

На правах рукописи

Бочаров
Алексей Владимирович

**ПРОБЛЕМА АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

Специальность
07.00.09 - историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Томск 2002

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор Б. Г. Могильницкий

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор Ю. В. Куперт
кандидат исторических наук,
доцент А. Ю. Соломеин

Ведущая организация: Институт всеобщей истории
Российской Академии наук

Защита состоится «27» сентября 2002 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д.212.267.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальностям. 07.00.02 - отечественная история, 07.00.03 - всеобщая история нового и новейшего времени, 07.00.09 - историография, источниковедение и методы исторического исследования при Томском государственном университете (634050, г. Томск, пр. Ленина 36).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ТГУ.

Автореферат разослан «___» _____ 2002 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

В. П. Зиновьев

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Историк может изучать два вида исторических возможностей. Первый вид - это возможность как предположение о неизвестных нам событиях исторического прошлого. Действительность здесь не считается с нашими догадками. Наоборот, наши догадки и альтернативные модели заполнения “белых пятен” истории должны сообразоваться с действительностью. Второй вид возможности подразумевает ситуацию, когда не осуществившаяся ещё действительность мыслится как реализация одной из альтернатив (от латинского *alter* - один или другой из двух - возможность или необходимость чего-то иного по отношению к данному), а возможность мыслится как свойства существующей исторической ситуации, обуславливающие изменение этой ситуации.

Диссертационное исследование посвящено второму виду возможностей, его изучению в исторической науке и его свойствам как феномена исторического сознания и как явления исторического прошлого. Выбор темы обусловлен постановкой следующих исходных проблем: 1) Каковы место и роль в отечественной исторической науке идеи альтернативности исторического развития, осознанной как особой методологической проблемы? 2) Является ли альтернативность развития в историческом прошлом только полезным прикладным аналитическим ходом мысли и имеет отношение только к интеллектуальной исторической рефлексии, или же она имеет ещё и самодовлеющий теоретический смысл и особое конкретно-историческое содержание? Такая постановка проблем обуславливает наличие двух взаимосвязанных и взаимодополняющих компонент работы - историографической и методологической.

Научная значимость темы. Безальтернативное понимание развития на концептуальном уровне обеспечивает исследователю удобную опору для отбора фактов, подтверждающих его теорию и игнорирование фактов, расходящихся с ней. Подчас это может привести к исчезновению мотивов для поиска новых фактов и новых объяснений для известных фактов. Существуют исторические явления, которые при безальтернативном видении истории даже не попадают в поле зрения историка. Расхожие фразы о том, что история не имеет (не знает, не терпит, не допускает, не любит, в ней нет) сослагательного наклонения, или - историческая наука исключает (в ней не применимо, не допустимо) сослагательное наклонение, буквально заполнили публицистику, а отчасти и аргументы историков-профессионалов. Характерно, что вслед за утверждением о недопустимости сослагательного наклонения в истории или перед ними очень часто звучат рассуждения именно в сослагательном наклонении. Это, с одной стороны, показывает необходимость этого самого “сослагательного наклонения” в изучении исторического прошлого, а с другой стороны, свидетельствует об отсутствии, или, по крайней мере, неразвитости методологической рефлексии по данной проблеме. Для значительной части отечественных историков вся методология по этому вопросу чаще всего

сводится к ещё одному историографическому штампу: “изучать то, что могло бы быть, следует для того, чтобы понять, почему всё произошло именно так, а не иначе”. Думается, что проблема альтернативности исторического развития в силу своей важности и сложности требует специального изучения.

Актуальность темы. Игнорирование многовариантности исторического развития в прошлом ведёт к непониманию многовариантности будущего в условиях постоянной изменчивости текущей ситуации, что уже не раз приводило к необратимым политическим и социально-экономическим ошибкам. Тезис М. Н. Покровского о том, что “история есть политика, опрокинутая в прошлое”, сохраняет свою актуальность несмотря на все политические и историографические перевороты. Исторические аргументы в сослагательном наклонении стали ещё одним оружием в “войне за прошлое”. Несостоявшаяся, но возможная история стала одним из “полей битвы” в информационных войнах современной пропаганды. В связи с этим изучение историографических и методологических аспектов альтернативности в истории, помимо научной может иметь и социально-практическую актуальность при решении насущных проблем современности.

Степень изученности проблемы. Обобщающих историографических работ по изучению проблемы альтернативности в отечественной исторической науке до сих пор не имеется. Некоторых авторы дают весьма краткие обзоры по нескольким работам. Такие обзоры имеются, например, в следующих исследованиях: Экштут С. А. Проблема поиска исторической альтернативы (опыт историософского осмысления движения декабристов): Дисс. докт. филос. наук: 09.00.11. М., 1995.; Гребениченко С. Ф. Технология обнаружения ситуаций альтернативности в процессах исторической эволюции. М., 1995.; Левандовский М. И. Модели синергетики в исследованиях по социальной истории России конца XIX - начала XX вв.: Дисс. канд. ист. наук: 07.00.09. М., 1999.; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 647-654. Между тем, критическая масса авторских публикаций по теме альтернативности достигла такого предела, что требуется специальное исследование в этой области. В отечественной исторической науке накоплен достаточно обширный и самобытный опыт по изучению проблемы альтернативности, который нуждается в обобщении, творческом осмыслении и развитии. Здесь, прежде всего, необходимо рассмотреть вклад методологов М. Я. Гефтера, А. Я. Гуревича, И. Д. Ковальченко, М. А. Барга, Е. М. Жукова, Б. Г. Могильницкого, П. В. Волобуева, Ю. М. Лотмана. Из новейших работ выделяются исследования С. А. Экштута и Л. И. Бородкина. Рассматривались также работы Н. Я. Эйдельмана, А. Д. Сухова, В. Б. Кобрин, Е. А. Никифорова, Е. Г. Плимака, И. К. Пантина, И. М. Клямкина, Г. Г. Водолазова, Я. Г. Шемякина, В. В. Иванова, И. В. Бестужева-Лады, А. С. Ахиезера, А. В. Коротаева, М. С. Кагана, В. Б. Лукова и В. М. Сергеева, Ю. П. Бокарёва, С. Ф. Гребениченко, С. Б. Переслегина и многих других.

Привлечены также работы зарубежных авторов, обращавшихся к проблеме альтернативности в истории: М. Блока, Д. Мило, Р. Козеллека, Л. Мизеса, А. Дж. Тойнби, Р. Фогеля, Е. Анксель, А. Деманда, К. Макси, Н. Фергюссона и

других. Несмотря на солидную историю развития, новое направление научного анализа еще окончательно не сформировалось не только в отечественной науке, но и за рубежом. Нет не только выверенной методологии, но даже общепризнанного названия. Употребляются понятия “альтернативность развития”, “многовариантность истории”, “альтернативистика”, “ретроальтернативистика”, “ретропрогностика”, “виртуальная история”, “несостоявшаяся история”, “контрфактическое моделирование”. Между всеми этими направлениями не ищется согласования. Повсеместно употребляются, но теоретически недостаточно осмысляются и методически не осваиваются понятия “историческая возможность”, “историческая вероятность”, “историческая случайность”, “свобода выбора”. Диссертационная работа является попыткой преодоления этих недостатков.

Объект и предмет исследования. Объектом и одновременно источниками историографической части исследования являются работы отечественных учёных, посвящённые проблеме альтернативности исторического развития (всего более 250 авторских публикаций). Предмет исследования здесь - это историографические, теоретические, методологические и дискурсивные характеристики развития идеи альтернативности в отечественной исторической науке. Объектом методологической части исследования является альтернативность исторического развития как феномен исторического сознания и как явление исторического прошлого. Предмет исследования в этом случае – метафизические, логические, социально-психологические основания и эмпирические методы изучения альтернативности исторического развития.

Цели и задачи исследования. Исследование имеет две основные цели.

I. Проследить развитие изучения проблемы альтернативности в отечественной исторической науке 2-ой половины XX века и охарактеризовать опыт, накопленный в этих исследованиях. В соответствии с этим поставлены следующие задачи: 1. Выявить этапы развития и теоретические направления в изучении проблемы альтернативности. 2. Обобщить и оценить вклад каждого этапа в изучение проблематики. 3. Провести критический разбор теоретических направлений, используя методы системного анализа. 4. Выделить недостаточно изученные аспекты альтернативности исторического развития.

II. Провести методологический анализ недостаточно изученных аспектов в изучении альтернативности исторического развития и попытаться заполнить пробелы в этой области. В соответствии с этим поставлены следующие задачи: 1. Установить философско-метафизические основания феномена альтернативности исторического развития. 2. Систематизировать категориально-терминологический и методический аппарат, использующийся при изучении альтернативности. 3. Разработать новые методы изучения альтернативных исторических ситуаций.

Методологические основания. Отталкиваясь от предшествующего опыта изучения проблемы альтернативности исторического развития была сделана попытка выработать новый подход к пониманию этой проблемы. На этом пути предпочтение отдаётся не декларированию окончательных ответов на вопросы, а установке критериев корректной формулировки вопросов и ответов.

Сложность и многомерность проблематики потребовала всестороннего междисциплинарного рассмотрения, но всесторонность не должна разрушить целостность и породить эклектичность. Поэтому доминирующим был методологический принцип поиска синтеза различных концепций, использующихся в постижении альтернативности исторического развития.

Методы исследования. Проблема альтернативности исторического развития изучалась с точки зрения её социально-психологических истоков, преемственности авторских школ, становления и трансформации новых подходов, поэтому главным принципом исследования является *историзм*. Поскольку изучается развитие определённой темы и идеи, то сочтено необходимым задействовать метод анализа дискурсивных практик (М. Фуко). Изучая альтернативную ситуацию историк имеет дело прежде всего с информацией о системе событий. Поэтому применяются методы системного анализа (Ф. И. Перегудов, Ф. П. Тарасенко, В. Н. Костюк). Одним из направлений исследования исторических альтернатив является использование количественных методов, поэтому при анализе этих направлений использовались некоторые принципы методов высшей математики.

Новизна диссертационного исследования. Новизна в историографической части работы, помимо впервые проведённого обобщающего изучения проблематики, в применении метода анализа дискурсивных практик к изучению роли и места идеи альтернативности в отечественной исторической науке. Новизна также в выработке корректного определения исторической случайности, в некоторых новых принципах классификации исторических возможностей, в выделении такого ракурса проблематики, как соотношение выбора историка и выбора субъекта исторической деятельности, в постановке проблемы некорректного с точки зрения математики и системного анализа использования математических методов в изучении исторических альтернатив и в критике, проведённой с этих позиций. При поиске метафизических философских оснований теоретического изучения альтернативности в истории элементы новизны содержались в установлении областей пересечения или взаимодополнения, а также способов взаимной верификации или фальсификации для философских традиций антиномизма (Кант), диалектики (Гегель), интуитивизма (А. Бергсон, Н. О. Лосский, С. А. Левицкий), экзистенциализма (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр), позитивизма (П. С. Лаплас) и неопозитивизма (Л. Витгенштейн, К. Гемпель). При использовании вероятностной логики для теоретического изучения альтернативности исторического развития рассматривается взаимодополняемость и взаимоверифицируемость концепций вероятности Лейбница, А. А. Маркова, Р. Мизеса, А. Н. Колмогорова, Р. Карнапа, Дж. Кейнса, Г. Рейхенбаха, Л. Заде при изучении исторической вероятности. На основе концепций вероятностной логики разработана новая методика эмпирического анализа вероятностной картины исторической ситуации.

Структура диссертации подчинена целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, 2-х глав, заключения, списка источников и использованной литературы. Первая глава является историографической с методологическими

комментариями. Она состоит из 8 разделов, информация в которых систематизирована по хронологии и по авторству работ. Вторая глава является методологической с историографическими комментариями. Она состоит из 5 разделов. Информация во второй главе систематизирована по проблемному принципу.

Апробация исследования. Отдельные результаты исследования были представлены в качестве докладов на Региональной научной конференции «Американские исследования в Сибири» (Томск, 10-11 декабря 1999), на международной научной конференции «Историческое знание и интеллектуальная культура» (Москва, 4-6 декабря 2001 г.), на I Всероссийской научной конференции «Междисциплинарный синтез в методологии гуманитарного исследования» (29-31 января 2002 г.). Положения диссертации нашли отражение в ряде публикаций.

Практическая значимость результатов исследования. Результаты и выводы предпринятого исследования могут применяться как теоретическая и методическая основа в конкретно-исторических исследованиях, связанных с альтернативными историческими ситуациями. Собранная и систематизированная в ходе работы информация может быть полезна при разработке лекционных курсов и учебных пособий по отечественной историографии и методологии исторического познания. Кроме того, результаты исследования могут использоваться в политической и социальной практике, а именно: способствовать накоплению теоретической базы для планирования и проведения «атак» и «контратак» в информационных войнах с использованием исторических аргументов в сослагательном наклонении, остаться в стороне от которых историку вряд ли удастся в полной мере.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** сформулированы цели и задачи исследования, обозначены объект и предмет исследования, раскрывается научная значимость и актуальность темы, установлена степень её разработанности, обоснована новизна авторского подхода к проблематике, дана характеристика методологическим основаниям и методам исследования.

Глава 1. «Историографические аспекты» посвящена развитию исследований проблемы альтернативности в отечественной исторической науке. В разделе 1.1 «Идея альтернативности в советской исторической науке в 1960-е - начале 1980-х гг.» отмечается, что изучение проблемы альтернативности начинается в конце 1960-х годов в работах историков так называемого нового направления (М. Я. Гефтер, П. В. Волобуев, И. Ф. Гиндин, К. Н. Тарновский, А. М. Аверх, А. М. Анфимов и др.). Альтернативность исторического развития они связывали с многоукладностью социально-экономического строя и стихийностью общественных движений.

Исследование проблемы альтернативности на методологической базе марксизма продолжили А. Я. Гуревич, Б. Г. Могильницкий, М. А. Барг, И. Д. Ковальченко, Е. М. Жуков. Были рассмотрены также работы А. Д. Сухова,

А. И. Ракитова, А. Ф. Миллера, Е. Б. Черняка, материалы "круглого стола" «История: неизбежное и случайное», проведенного в 1980 году журналом «Знание-Сила».

Марксистско-позитивистское осмысление альтернативности исторического развития можно выразить следующими основными тезисами:

1. В ситуации перелома в развитии общества имеет место взаимодействие противоборствующих тенденций-альтернатив, одни из которых являются прогрессивными, а другие консервативными. Важность переломной ситуации в возникновении исторических альтернатив в том, что она с особой ясностью обнаруживает содержание и направленность различных тенденций.
2. Всегда существует только одна инвариантная тенденция развития общества, выражающая общие закономерности, а альтернативность означает либо "зигзаги" в рамках этой тенденции, либо ускорение или замедление реализации главенствующей тенденции, либо временное отклонение от тенденции с неизбежным последующим возвращением к ней.
3. Противоборство альтернатив выражается в классовой борьбе, которая вызвана в конечном итоге изменением экономических условий.
4. Степень альтернативности разная в различных сферах общественной жизни и в разные периоды исторического прошлого. Число возможностей в историческом процессе возрастает по направлению от первобытности и древности к современности, и от экономического и культурно-традиционного базиса к политической надстройке.
5. Осуществление исторической альтернативы (превращение возможности в действительность) зависит от взаимодействия объективных и субъективных факторов. Учёт объективных факторов подразумевает изучение всех явлений, независимых от воли субъектов исторического действия. Учёт субъективных факторов подразумевает изучение состава и активности противоборствующих групп, устойчивости их целей и интересов, иррациональных мотивов поведения исторических деятелей.
6. Объективная потенция без общественных сил, борющихся за ее претворение в реальность, сама по себе не создает альтернативы. Точно так же те или иные субъективные усилия, направленные на борьбу за отличный от действительного исход развития, без наличия объективной возможности такого исхода не приводят к альтернативной ситуации.
7. Опасность отрицания альтернативности исторического развития заключается в апологетике пороков прошлого и настоящего.

Анализ изменения отношения советских исследователей к пониманию идеи альтернативности в западной историографии позволил выделить следующие этапы: 1. Идеологическое противостояние, позиция защиты; 2. Критика методов и логики, позиция изучения; 3. Констатация различий, позиция ознакомления; 4. Отказ от критики, переходная позиция на грани принятия, но ещё в рамках марксизма; 5. Попытка синтеза, позиция сотрудничества.

Одним из исторических сюжетов, рассматриваемых в советской исторической науке в связи с проблемой альтернативности было восстание

декабристов. Академик М. В. Нечкина доказывала невозможность победы декабристов. Н. Я. Эйдельман придерживался противоположного мнения. Он создал первую в советской историографии контрфактическую документально-художественную модель вероятного развития событий при успешном исходе восстаний дворянских революционеров.

В разделе 1.2. «Изучение проблемы альтернативности исторического развития в годы перестройки» прослеживаются изменения в исследовании проблемы альтернативности в 1986–1991 гг. В период перестройки к идее альтернативности в истории и критике жёсткого детерминизма с тех или иных позиций обращается большинство тех, кто затрагивает проблемы методологии истории или проблемы политической и экономической истории России.

В последние годы существования СССР наблюдался всплеск интереса к теме альтернативности истории. Эта тема стала популярной и в исторической науке, и в публицистике. Такое явление можно частично объяснить ослаблением идеологического контроля со стороны государства и "переписыванием" истории в соответствии с новыми идеологическими запросами. Однако решающим фактором особого внимания к проблеме альтернативности истории стало скорее то, что общество тогда находилось на перепутье, а история на переломе. Основной причиной было скорее не столько то, что людям разрешили думать и говорить, что в прошлом все могло быть иначе, сколько то, что люди почувствовали, что в будущем все может быть иначе.

И. Д. Ковальченко в книге «Методы исторического исследования» (1987) в отдельной главе по-новому и более глубоко и подробно раскрыл свое понимание альтернативности в истории. И. Д. Ковальченко поднял такие проблемы как недопустимость «суда над прошлым» со стороны историка; выделение при изучении исторических возможностей существенных возможностей, а не всех формальных и отделение обыденных альтернатив от исторических, взаимосвязь цели с разными средствами её достижения как предпосылка возникновения альтернативных возможностей и другие важные теоретические аспекты проблемы альтернативности.

Первое обобщающее систематизированное исследование по альтернативности в истории в отечественной исторической науке было проведено П. В. Волобуевым в вышедшей 1987 г. монографии "Выбор путей общественного развития: теория, история, современность". П. В. Волобуев уделил большое внимание диалектике возможности и необходимости, понятию исторической вероятности как меры возможности. П. В. Волобуев выделяет уровни-этапы осуществления выбора исторического пути: от выбора на уровне теории, выяснение идеологами классов предпочтительности разных возможностей до перехода социальных групп к практической реализации своих целей. В последующие годы П. В. Волобуев выступал в качестве редактора или участника различных сборников, посвящённых альтернативности истории России в 1917 году ("Круглый стол": Россия, 1917 год: Выбор исторического пути. М., 1989; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991; Октяб́рская революция. Народ: её творец или заложник?

М., 1992.). Главная идея, пронизывающая эти сборники заключалась в том, что Октябрьская революция была неизбежной, или, по крайней мере, наиболее предпочтительной альтернативой, по сравнению с меньшевистской и анархистской альтернативами, чьи шансы были очень малы.

В конце 80-х годов был поставлен ряд существенных вопросов, углубляющих понимание альтернативности был поставлен в работах И. А. Желениной (постановка вопроса не только об альтернативности последствий, но и вопрос об альтернативной причине, создающей ту же самую ситуацию) и Т. А. Антипов (исторический опыт не содержит «рецептов» и не дает шаблонных ответов на вопросы и вызовы современности, он может оказаться полезным как обоснование правильности сделанного выбора, то есть история учит не тому «*что* выбирать», а тому «*как* выбирать»).

В 1988 году состоялось заседание "Круглого стола" «XX век: альтернативы развития», где выступали историки и философы, главным образом представители АН СССР. Материалы "Круглого стола" были опубликованы в журнале «Рабочий класс и современный мир», 1989, №1-2. На "Круглом столе" выступали И. К. Пантин, Е. Г. Плимак, В. С. Библера, И. М. Клямкин, А. С. Сенявский, Г. Г. Водолазов, Г. Г. Дилигенский, О. Р. Квирквелия. Обсуждались такие проблемы как соотношение закономерности и свободы воли; ограниченность, суженность «поля альтернатив» в советской истории; зависимость альтернативности исторического развития от духовной альтернативности и культурного многообразия; понимание альтернативности как особого типа детерминизма; наличие выбора желаемого результата при безальтернативности результатов; понимание альтернативности только как абстракции, вырванной из живой ткани исторического процесса или как категории, имеющей конкретно историческое воплощение; проблема размывания смысла понятия исторической альтернативности и потребности в его стандартизации; связь кризисной ситуации 1980-х годов с историческим выбором, сделанным в конце 20-х годов, и другие проблемы.

В данном разделе диссертации анализировались также материалы "круглого стола" «Философия и историческая наука», проведенного журналом «Вопросы философии» в 1988 году (А. Я. Гуревич, П. В. Волобуев, А. Ф. Зотов, В. Ж. Келле, Л. А. Маркова, Я. Г. Шемякин др.) и материалы "круглого стола" «Была ли альтернатива сталинизму» в сборнике «Социализм: между прошлым и будущим» (1989) (И. М. Клямкин, Г. Г. Водолазов и др.) работы таких авторов как Ю. А. Афанасьев, В. В. Иванов, Е. А. Никифоров, Фортунатов В. В. и других.

В этот период выходят работы Б. Г. Могильницкого, посвященные переосмыслению с новых позиций проблемы альтернативности: «Введение в методологию истории» (1989), «Альтернативность в истории советского общества» (1989), «Историческая альтернативность: методологический аспект». В этих работах автор отметил, что многовариантность исторического процесса обусловлена многообразием деятельности человека, что нередко побежденная альтернатива не исчезает бесследно, но накладывает отпечаток на победившую тенденцию общественного развития. Важность для историка категория

альтернативности Б. Г. Могильницкий видел в том, что она позволяет демифологизировать понятие исторической необходимости. Он делает вывод: «чтобы не повторилось ошибок, нужно выработать эффективный механизм сознательного выбора альтернатив».

Сделан вывод, что потребность в поиске и понимании альтернатив истории становится актуальной и широко обсуждается в период борьбы разных идеологий в одном обществе (во всяком случае, это относится к России). Актуальность идеи альтернативности сохраняется до тех пор, пока "новое" ищет свои корни в прошлом, а "старое" пытается оправдаться. Когда идеологические бури затихают, к идее альтернативности в сообществе историков всерьез уже не обращаются. Она частично забывается, частично переходит в область исторических анекдотов.

В разделе 1.3. «Место и роль идей К. Маркса и Ф. Энгельса в понимании проблемы альтернативности исторического развития в советской методологии истории: опыт дискурсивного анализа» показывается, что Идеи марксизма являлись в советский период структурообразующими конструктами для исследуемой дискурсивной практики (совокупности текстов, содержащих определённый набор идей и тем, подчинённых единой концептуальной и риторической модели). Обращение к идеям Маркса и Энгельса было в данном случае не просто ширмой, но и эвристичным источником продуктивных теоретических идей, которые можно было противопоставить официальной профанированной версии марксизма. К концу советского периода эти эвристические возможности марксистской методологии исчерпались.

В рамках попытки дискурсивного анализа было рассмотрено, где и как используются историками около десяти стандартных для темы альтернативности высказываний классиков марксизма (рассуждения К. Маркса в письме к Л. Кугельману, рассуждения Ф. Энгельса в письме к В. Боргиусу, идеи Ф. Энгельса, высказанные им в письме к Й. Блоху, выдержки из 3-го тома Капитала, из работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», из книг Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и «Анти Дюринг»)

Стандартность набора цитат обусловлена тем, что подобное цитирование служило своеобразным «щитом» от нападков ортодоксально, догматически настроенных идеологов при исследовании новой темы. Опасность идеи альтернативности для официальной идеологии заключалась в том, что мог быть поставлен под сомнение постулат о неизбежности Октябрьской революции.

М. Фуко в статье «Ответ на вопрос» намечает три вида трансформаций дискурсивных практик: 1) деривации или внутридискурсивные зависимости, 2) мутации междискурсивные зависимости, 3) редистрибуции перераспределение, или внедискурсивные зависимости. Эти три вида допустимо применить к периодизации изучения проблемы альтернативности в отечественной исторической науке второй половины XX века и, в частности, к трансформации места и роли идей К. Маркса и Ф. Энгельса в понимании альтернативности исторического развития.

Первый период с 60-х до середины 80-х гг. Главенствующей идеей для темы альтернативности было подчинение свободы воли исторической необходимости. Отбор понятий и аргументов из текстов классиков марксизма был направлен на обоснование этой главной идеи.

Второй период приходится на годы перестройки. В это время наблюдался всплеск интереса к теме альтернативности из-за её актуальности в связи с переломными процессами в обществе. Поле исследований сместилось на ранее запрещённые для изучения в свете альтернативности фрагменты истории. Прежде всего, на становление советского общества и государства. Новой формой социальной циркуляции идеи альтернативности стали остродискуссионные "круглые столы".

В третий постсоветский период уже не наблюдается такого единства дискурса как в советской науке. Опрокидывание иерархического порядка идей привело к абсолютизации роли исторической случайности и свободы выбора. Функции идеи альтернативности смещаются с идеологических на развлекательные и с общетеоретической плоскости в конкретно-историческую.

В разделе 1.4. «Проблема альтернативности исторического развития в работах М. Я. Гефтера» специально рассмотрено понимание альтернативности в истории в творчестве М. Я. Гефтера. Тема альтернативности в истории рассматривалась М. Я. Гефтером в его работах: «Открытое письмо американскому историку Стивену Коэну» (1978), «Будущее прошлого» (1989) «История - позади? Историк - человек лишний?» (1993), «Сталин умер вчера» (1987), выступления на "Круглом столе" "XX век: альтернативы развития" (1989).

М. Я. Гефтер стал первым советским историком, который в изучении проблемы альтернативности истории решил выйти за рамки марксистской методологии. Язык статей М. Я. Гефтера разительно отличается от академического изложения особым ритмом рассуждений, для которого характерно обилие метафор, полунамёков, риторических вопросов, переформулировки старинных тем, мастерское сочетание диалогической, лирически-экспрессивной и побудительной техники повествования, прихотливостью прихода и ухода от "темы". Глубинные, сущностные причины возникновения исторических альтернатив М. Я. Гефтер видел в поступках тех, кто показал, что можно действовать вопреки старым традициям, вопреки сложившимся обстоятельствам. В борьбе за свою индивидуальность личность способна вырваться за имеющийся круг альтернатив действия, сохраняя тем самым в обществе саму потенцию подобных поступков. Согласно М. Я. Гефтеру противоборство и альтернативность – это не синонимы. Он понимал альтернативность исторического развития не как выбор между имеющимися тенденциями, а как творчество при создании новых возможностей. В этом его идеи очень близки к положениям философской концепции А. Бергсона. Поиск альтернатив выбора, их утрата и обретение - это всегда сохранение и переживание незавершённости истории. М. Я. Гефтер провоцировал на вопрошание, чтобы читатели или слушатели могли ощутить эту незавершёность так же, как ощущали её те, кто вопрошал, оказавшись

перед выбором в историческом прошлом, и так же, как должен ощущать её каждый историк, не претендующий на окончательное понимание всех смыслов и законов истории.

В разделе 1.5. «Математические подходы к изучению альтернативности исторического развития в советской историографии» характеризуется ещё одно "дискурсивное ответвление" от марксистской историографии, заключающееся в использовании математических методов, которые позволяли советским учёным частично освободиться от идеологических ограничений, и выйти на иной уровень историописания. Здесь были рассмотрены исследование В. Б. Лукова и В. М. Сергеева (тематический контент-анализ мемуаров с использованием методов дискретной математики), работа Ю. П. Бокарёва (контрфактическое моделирование функционирования безденежной экономики в Советской России 1920-х годов для оценки экономической интуиции советской власти), исследования проводившиеся под руководством академика Н. Н. Моисеева в том числе работа А. С. Гусейновой, Ю. Н. Павловского и В. А. Устинова (имитационное моделирование Пелопонесских войн с использованием интегральных уравнений и сценариев, ограничивающих количество возможных альтернатив). Достоинством этих исследований является принципиальная установка авторов на выработку специфического математического аппарата для изучения каждого конкретного фрагмента исторического прошлого в соответствии со спецификой источниковой базы.

В разделе 1.6. «Значение советского периода в развитии идеи альтернативности исторического развития» даётся оценка вклада советских историков в изучение проблемы альтернативности. Этот вклад состоит в постановке основных проблем, связанных с данной темой и выработке путей их решения на методологической платформе марксизма. Сделан предварительный вывод, что в постсоветский период используется большая часть выработанных в советский период подходов к изучению альтернативности в истории, но уже в модернизированной и идеологически непредвзятой форме. Главный недостаток в развитии идеи альтернативности в советский период – это, прежде всего, ограниченность методологической базы, но, несмотря на это, теоретические наработки этого периода после определенной дискурсивной коррекции были интегрированы в современную историческую науку.

В разделе 1.7. «Идея альтернативности исторического развития в отечественной исторической науке в 1992-2001 гг.» в систематизированном виде анализируются подходы к пониманию альтернативности исторического развития отечественными авторами в 1992-2001 гг.

Содержание раздела 1.7.1. «Осмысление альтернативности исторического развития России» обусловлено тем, что у отечественных историков в 1990-е годы уже отпала потребность доказывать, что альтернативность в историческом развитии есть. Это позволило осмыслить с позиций альтернативности всю отечественную историю с древнейших времён до новейшего времени с изучением альтернативных ситуаций от становления русской государственности в конце первого тысячелетия н. э., до разрушения советской государственности в конце второго тысячелетия н. э. Главным образом эти

ситуации анализировались через призму взаимодействия тенденций консерватизма и модернизации, авторитаризма и либерализма, коллективизма и индивидуализма. Приводится около 30 альтернативных ситуаций в историческом прошлом России. Эти альтернативы, вызывающие наиболее пристальное внимание историков, были выявлены по работам следующих авторов: Бунаковой В. А., Думина С. В., Исаченко А. В., Кобрин В. Б., Оболонского А. В., Плимака Е. Г., Пантина И. К., Карпачёва М. Д., Мироненко С. В., Шаццлло К. Ф., Шемякина А. Л., Ярцева Б. К., Симоновой М. В., Тагирова И. Р., Богданова Б. В., Симонова Н. С., Даниловой В. П., Грецкого М. Н., Рогачевской Л. С., Ржешевского О. А., Зубковой Е. Ю., Мельтохова М. И., Фадына А. В. и других авторов.

В постсоветский период в теоретическом изучении альтернативности исторического развития уже не наблюдается такого единства дискурса, какой имел место в советский период. Историографический анализ позволяет выделить несколько подходов к проблеме альтернативности: культурологические, историософские, социологические, синергетические, математические, и подходы, отнесённые к так называемому движению «фольк-хистори».

В разделе 1.7.2. «Культурологические подходы». Речь идёт о об понимании альтернативности Ю. М. Лотманом. Он выдвигает идею принципиальной непредсказуемости развития культуры в моменты создания нового. Ю. М. Лотман различает взрывные моменты, когда события погружаются в пучок возможностей, и периоды, когда события предопределены уже реализованными в процессе взрыва возможностями.

Раздел 1.7.3. «Историософские подходы» отражает специфику понимания альтернативности с позиций историософии разными авторами. Историософские подходы М. С. Тартаковского и В. Л. Цымбурского к проблеме альтернативности основаны, на том, что через раскрытие упущенных долгосрочных геополитических возможностей того или иного региона, страны или цивилизации раскрывается смысл их развития. И. В. Бестужев-Лада и Г. С. Померанц руководствуются подобными установками по отношению к конкретным историческим событиям. С. А. Экштут главной причиной в возникновении исторических альтернатив считает случайности в момент исторического выбора. С. А. Экштут показывает, как исторический выбор преломился через индивидуальные судьбы, и как индивидуальная судьба могла бы стать воплощением возможного исторического выбора. Исторический выбор, перед которым оказались те или иные деятели, раскрывает смысл их судеб. Как основной вид источников по изучению исторических альтернатив С. А. Экштут использует воспоминания, мемуары и переписку современников изучающихся событий. Он выделяет несколько уровней осознания альтернативности истории: выбор современников участвующих в событиях, воспоминания их об этих событиях и сожаления о сделанном выборе, осмысление исторического выбора потомками и создание контрфактических моделей событий.

Раздел 1.7.4. «Социологические подходы», посвящён социологическим подходам к проблеме альтернативности. К ним можно отнести работы А. В. Коротаева, А. С. Ахиезера и А. А. Родина. А. В. Коротаев определяет социологический закон не как одномерное направление развития, а как многомерное вероятностное пространство-поле возможных вариантов развития. По концепции А. С. Ахиезера истоки альтернативности истории коренятся в оппозиции «Партиципация - Отпадение» и «Инверсии - Медиации». Логика безальтернативного понимания истории, согласно интерпретации А. С. Ахиезера, заключается в интерпретации событий как уклонения от некоторого идеала, как отпадение от абсолютной заданности. Так называемые инверсионные циклы, выделяемые А. С. Ахиезером, можно интерпретировать как действие проигравшей альтернативы в рамках победившей (например, любые контрреформы). А. А. Родин альтернативность исторического развития рассматривает, сравнивая две интерпретации возможных миров: POSSIBILISM и актуализм. Он связал проблему альтернативности с периодизацией. Периодизация охватывает скорее инерцию движения, нежели нарушения и особенности движения. По мнению А. А. Родина, мы вправе допускать, что реализовавшийся вариант истории не является типичным, и что в нем может оказаться меньше качеств, характеризующих систему, чем у нереализованного варианта.

Раздел 1.7.5. «Синергетические подходы». Идеи синергетики в изучении альтернативности исторического развития используются в работах Ю. М. Лотмана, Я. Г. Шемакина, М. С. , М. А. Чешкова и др. При обращении к синергетике, прежде всего, стоит осознавать опасность позитивистской редукции при перенесении на развитие общества и культуры установленного синергетикой закономерностей нелинейности и поливариантности путей развития процессов в физическом мире. При наложении концепций смежных естественно-математических наук на историческое познание, прослеживается тривиальный механический перенос терминологии из одной области в другую, а также искажение понятия энтропии. Если мы назовем альтернативную ситуацию бифуркацией, случайность - флуктуацией, нестабильность общества - увеличением энтропии, стихийность во взаимодействии социальных групп - хаосом, прогресс - негаэнтропией, выход из кризиса - самоорганизацией системы, мы не станем вследствие этого лучше понимать и объяснять историческое прошлое. При использовании естественно-научных концепций все концептуальные основания и даже гипотетические допущения, которыми станет руководствоваться историк, будут лежать за пределами знания об обществе и человеке. Всё же в использование синергетики в исторической науке имеется и доля продуктивности. Она заключается в перенесении историописания из естественной для него дискурсивной среды в иную среду, что позволяет снять автоматизм восприятия изучаемых фактов, дистанцироваться от предмета исследования, усилить эвристичность, по новому увидев привычные явления.

Раздел 1.7.6. Математические подходы. Математические методы изучения альтернативных исторических ситуаций используются в работах С. Ф. Гребениченко и в исследованиях под руководством Л. И. Бородкина. Анализ использования математических методов в рассмотренных

исследованиях выявил применение недопустимых преобразований над данными, игнорирование фактора свободы воли субъектов исторического действия, несогласованность математического аппарата со спецификой использованных исторических источников.

Раздел 1.7.7. «Идея альтернативности исторического развития в контексте феномена "фольк-истори"». Представители «фольк-истори» (термин предложен Д. М. Володихиным) – это псевдоисторики, навязывающие реконструкции исторической действительности, не имеющего ни малейшего научного обоснования. Среди активных представителей фольк-истори, затрагивающих проблему альтернативности исторического развития анализируются работы физика Г. Г. Малинецкого и физика по образованию, ныне литературного критика С. Б. Переслегина. Главные недостатки методологически неотрефлексированного внедрения естественно-математических концепций в историческое познание – это буквальный перенос конвенциональных формально-математических правил на действительность и отождествление физических и социальных закономерностей

В разделе 1.8. «Современная историографическая ситуация по проблеме альтернативности исторического развития в отечественной исторической науке» оценивается современное состояние изучения проблематики альтернативности. Работы отечественных историков, рассмотренные в 1-ой главе диссертации, доказывают научную продуктивность идеи альтернативности исторического развития. Не убывающее количество работ, связанных с этой проблематикой, показывает, что она прочно вошла в дискурс и практику исторической науки. Приводится график изменения динамики прироста общей суммы авторских публикаций по теме альтернативности исторического развития в отечественных изданиях за период 1964-2001 гг. Однако несмотря на значительные достижения, в области теории и методологии проблемы альтернативности к началу 2000-х наблюдается определённая пробуксовка. Нет творческого развития уже разработанных концепций и создания новых. Нет попыток идти по пути синтеза и согласования различных подходов, а, значит, нет и осознания единства проблематики. Не разрабатывается междисциплинарный методический инструментарий изучения альтернативных исторических ситуаций, адаптированный к специфике исторического познания.

Глава 2. «Методологические аспекты» посвящена анализу наиболее важных и недостаточно разработанных теоретических и методически-прикладных аспектов проблематики с учётом сопряжённости двух ракурсов альтернативности в исторического развития: как феномена исторического сознания и как явления исторического прошлого.

Раздел 2.1. «Теоретические основания использования категории "свобода воли" в историческом познании» посвящён пониманию в разных философских традициях категории "свобода воли". Эта категория предстаёт как логическое основание понятия "историческая альтернатива".

В разделе 2.1.1. «Разделение свободы действия, свободы выбора и свободы воли» рассматриваются выделяемые С. А. Левицким, русским философом-эмигрантом, три слоя в проблеме свободы воли: свобода действия,

свобода выбора и свобода хотения. Показана соотнесённость этих слоёв с различными аспектами исторической альтернативности.

Сделаны выводы о том, что: 1) Свобода действия является чисто технической проблемой и её не нужно смешивать с метафизической и психологической свободой. 2) Выбор всегда свободен с логической точки зрения, несвобода уничтожает понятие выбора. Свобода выбора занимает подчинённое положение по отношению к свободе хотения, то есть к свободе воли. 3) Проблема свободы воли – это вопрос о способности человеческого "Я" к самопроизвольным актам и вопрос об истинно-сущности "Я": являются ли воля и душа самостоятельным явлением или же только жёстко детерминированной системой мотивов.

В разделе 2.1.2. «Диалектический и антиномистский подходы к проблеме свободы воли» сравниваются понимание свободы воли И. Кантом (тезис и антитезис антиномии свободы и необходимости логически равно доказуемы), Г. Гегелем (свобода есть осознанная необходимость, и чем более мы осознаём собственную детерминированность, тем более мы свободны), П. С. Лапласом (существует только жёсткая детерминация всех явлений материальными причинами), А. Бергсоном (наш характер неотделим от нас самих, поэтому мы свободны, когда наши действия истекают из всей нашей личности, когда между нашими действиями и нашей личностью существует то непреодолимое сходство, которое встречается между творением и творцом), Н. О. Лосским, развивавшим идеи интуитивизма А. Бергсона, и утверждавшим, что свобода воли понятна лишь в случае, если "Я" не находится во власти прошлого и является сверхвременной субстанцией

Доказывается, что идеи И. Канта наиболее непротиворечиво могут служить логическим и метафизическим основанием понятия альтернативности исторического развития. могут фундировать

В разделе 2.1.3. «Экзистенциальный подход к пониманию свободы воли» рассматривается осмысление идеи свободы воли в экзистенциальной философии, которая разделяет конкретное специфически-человеческое существование от бытия вещей и существ, не способных к самосознанию и свободе (С. Киркьегор, М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр). Разделение свободного "для себя бытия" и жёстко детерминированного "в себе бытия" сближает в метафизических и логических основаниях экзистенциализм и антиномизм И. Канта. И. Кант открыл проблематику альтернатив не в истории, но исключительно в нравственном жизненном пространстве индивидуума. Закономерности индивидуального выбора можно взять за отправную точку рассуждений о выборе историческом.

Сделан вывод, что индикатором свободы воли служит равноценность альтернатив в восприятии субъектов выбора, а индикатором равноценности служат колебания субъекта выбора. Именно в этом заключается авторская гипотеза о роли свободы воли в альтернативной исторической ситуации.

Решающим фактором в выборе из равноценных альтернатив может стать скорость развития событий. В сознании субъекта в момент необходимости действия может перевесить ценность той альтернативы, которая в действительности оказывается невыгодной и вредной для этого субъекта. Но

невыгодность и вредность часто можно оценить только после того, как альтернатива реализовалась. Именно такие закономерности порождают понятие «исторической ошибки» и мотивы «суда над прошлым» в историческом исследовании.

Так как индикатором свободы воли могут служить колебания субъектов выбора, то исследование исторических альтернатив необходимо начинать с изучения сомнений при принятии решений субъектами исторического действия, со споров между людьми, преследующими одинаковые цели, их сожалений о сделанном.

Задача раздела 2.2. «Методологические аспекты использования понятия "случайность" в изучении исторических альтернатив» заключалась в поиске корректного определения понятия «историческая случайность». Под корректностью определения понятия здесь подразумевается логическая непротиворечивость и отсутствие избыточности по отношению к другим понятиям. Корректное определение позволит историку не называть случайностями сущностно различные и даже противоположные явления. Такая задача важна в связи с тем, что в непредвиденных и непредсказуемых случайностях иногда видят причину постоянного существования возможности иного хода событий, альтернативного произошедшему или ожидаемому.

В разделе 2.2.1. «Определение исторической случайности как пересечения независимых причинных цепей» доказывалось, что определения случайности как «пересечения разных каузальных цепей», «столкновения независимых закономерностей», «вмешательства событий из иной системы» некорректны, так как тогда любое историческое событие становится случайностью и использование понятия «случайность» теряет смысл - оно становится полностью избыточным.

Из этого в частности выводится положение, согласно которому природные, физические и физиологические явления, нельзя считать историческими случайностями, их следует принять как неизбежную по отношению к ходу истории данность.

Диаметрально противоположные отношения к одному и тому же событию, показывают относительность и субъективность понятия историческая случайность. Это было продемонстрировано на примере оценки разными авторами дуэли Пушкина (В. С. Соловьёв, Ю. М. Лотман, С. Л. Абрамович). В зависимости от точки наблюдателя, событие может выглядеть как случайное или как неслучайное. Такое понимание исторической случайности встречается также у Р. Арона и Р. Козеллека. Разделение социальных систем на части также конвенционально-субъективно и условно.

В разделе 2.2.2. «Определение "исторической случайности" как незначительного события, имевшего значительные последствия» речь идёт о том, что недостаточность "незначительных поводов" самих по себе для масштабных исторических процессов и достаточность для этих процессов "созревших условий" убедительно доказывают, что незначительные события не могут быть причиной возникновения альтернатив масштабным историческим процессам. Иногда, впрочем, эту, верную по сути логику, используют для

неверных доказательств безальтернативности истории. При этом "зрелость условий" для каких-либо событий отождествляется с неизбежностью этих событий. Понимание исторической случайности как незначительной причины, имеющей значительные последствия содержится уже в трудах Вольтера, Гольбаха. Рассматриваются также дискуссии на эту тему современных зарубежных историков Д. МакКлоски, М. Шермером. Подчёркивается, что подходу "существенно всё", на котором базируется преувеличение роли незначительных событий можно противопоставить идеи М. Блока о рациональной иерархизации причинно-следственных связей.

В разделе 2.2.5. «Опыт корректного определения понятия "историческая случайность» выполняется поставленная в разделе 2.2 задача. Корректным представляется следующее определение исторической случайности: случайным будет такое влияние одного события на другое, которое, во-первых, являлось результатом акта свободной воли какого-либо субъекта, но не являлось её целью, во-вторых, не являлось устойчивой, повторяющейся связью.

Рассмотрен также вопрос - допустимо ли масштабное, значительное историческое событие, состоящее из множества других «микрособытий», считать случайным. Масштабное историческое событие или историческая ситуация является системой из цепи множества как устойчивых и повторяющихся, так и случайных связей между незначительными событиями. То, что свойства данной системы не выводятся и не зависят непосредственно от свойств составляющих её «микрособытий» является сущностной характеристикой системы как таковой и системности вообще, а вовсе не аргументом в пользу того, что данная историческая ситуация есть случайность. Конкретно исторические примеры для корректного определения исторической случайности взяты из книги Н. Я. Эйдельмана «Апостол Сергей. Повесть о Муравьёве-Апостоле» (1975).

В разделе 2.3. «Теоретические аспекты использования категории "возможность" в историческом познании» обосновывается важность для исторического познания категории «возможность», приводятся различные определения возможности (как становящейся действительности, как потенциальности и др.).

Функциональным при использовании в эмпирическом конкретно-историческом исследовании признано следующее определение возможности: *возможность – это такое состояние (или такая ситуация), когда имеется одна часть детерминирующих факторов, но отсутствует другая их часть.*

В систематизированном виде с конкретно-историческими иллюстрациями излагается классификация видов исторической возможности. Возможности можно разделить на формальные, реальные, абстрактные, конкретные, обратимые и необратимые. Данную дифференциацию необходимо учитывать при установлении наличия/отсутствия и появления/исчезновения исторической возможности

Обратимость и необратимость – две диалектически неразрывно связанные характеристики для каждой конкретной исторической возможности. Обратимость победы одних социальных сил и тенденций одновременно может

означает необратимость сохранения преимуществ и превосходства противостоящих социальных сил и тенденций. Обратимость также может быть формальной, абстрактной и конкретной. Доказывается, что отождествление обратимости с безальтернативностью является ошибочным.

В начале раздела 2.4. «Соотношение выбора историка и выбора субъектов исторической деятельности» речь идёт о том, что историческая возможность не существует вне исторического сознания. В связи с этим при изучении исторических альтернатив прошлого первостепенное значение приобретает анализ соотношения выбора историка и выбора субъектов исторической деятельности. Люди прошлого могли действовать только в соответствии со своими целями, мотивами и знаниями, и историк должен с этим считаться. Историк может отойти от предмета исторической науки и даже от научности вообще, если будет подменять эти факты истории своими собственными желаниями и мечтами.

В разделе 2.4.1. «Оценка историком роли исторического деятеля в альтернативности исторического развития». Отмечается важность учёта времени, когда о возможности и вероятности событий, рассматриваемых в качестве альтернатив, преждевременно выносить суждения. Преждевременность связана с тем, что не существует субъектов выбора изучаемой альтернативы, либо эти субъекты ещё не рассматривали анализируемые историком исторические возможности в качестве альтернатив своих действий. Подчёркивается, что распространённые рассуждения о том, что не будь одного исторического деятеля, его роль сыграл бы кто-то другой, некорректны в том случае, если не рассматриваются конкретные достоверно существовавшие претенденты на «вакантную историческую роль», оказывавшиеся перед альтернативой - «сыграть» или «не сыграть» данную историческую роль. Если известных претендентов не было, значит отсутствовал и субъект исторического выбора, точнее, нет оснований полагать, что он был.

Анализируются идеи Л. Мизеса, отрицавшего принципиальную зависимость "степени заменимости" исторических лиц от сферы их деятельности. Делается вывод, что неповторимые судьба и характер каждой личности – такой же результат всего предшествующего исторического развития, как и любое другое значительное историческое событие (а судьба выдающейся личности – это значительное историческое событие). Если “общественная потребность” привела однажды к формированию и деятельности данной личности, это не означает автоматически, что в случае её “устранения” или “исчезновения”, “общественная потребность” породит или найдёт похожую, которая начнёт действовать похоже на того, кого она “заменяет”. Более того, сама “общественная потребность” вряд ли останется неизменной без взаимодействия с ней определённого исторического деятеля. Даже самые незначительные черты характера лидера (не важно в какой сфере он является лидером) могут значительно повлиять на общественное мнение. Не будем забывать, что человек не только “исполнитель ролей”, но и “соавтор” в жизненной драме, названной Историей.

Раздел 2.4.2. «Навязывание историком своего понимания рациональности субъектам исторического выбора» посвящён критериям правдоподобности гипотез об исторических альтернативах. В правдоподобных гипотезах историк не рассчитывает на то, что участники исторических событий станут принимать только оптимально верные решения, так как людям всегда иррационально в чём-то ошибаться из-за недостатка информации и из-за иррациональных мотивов их поведения. В качестве примера нарушения данного критерия правдоподобности разбирается эссе А. Дж. Тойнби "Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели...".

В правдоподобных гипотезах историк не пытается судить о мотивах поведения людей исторического прошлого, беря за основу мотивы поведения современных людей, а пытается по мере возможности восстановить ментальность эпохи, в которой развёртывалась та или иная историческая альтернатива. В связи с данным положением сравнивается толкование политических альтернатив, связанных с личностью Ивана Грозного В. Б. Кобриним в книге «Иван Грозный» и Ю. М. Лотманом в книге «Культура и взрыв» и двумя разными историками одной и той же исторической ситуации.

Сравниваются также подходы Г. Х. фон Вригта и К. Гемпеля к алгоритмизации рационалистических подходов в объяснении выбора субъекта исторической деятельности. Учитывая неоднозначность и историческую обусловленность понятия "рациональности", предлагается в логических алгоритмах объяснения действий исторических деятелей вместо выражения «любое рационально действующее лицо» использовать также понятие «данное не рационально (иррациональное) действующее лицо».

Раздел 2.4.3. «Проблема адекватности математического контрфактического моделирования истории» посвящён использованию математических вычислений, как одному из методов, претендующих на увеличение правдоподобия моделей несостоявшейся. Изучение проблемы адекватности математического контрфактического моделирования истории на примере классической в этом жанре работы Р. Фогеля «Железные дороги и экономический рост» (1964) и критике этой работы М. Десаем и И. М. Промахиной позволило сделать выводы, что: 1) В таком моделировании нарушается принцип целостности систем. Это нарушение проявляется в том, что изменения одних событий не предусматривают как следствия неизбежные изменения других. Адекватной модель станет, только если явления, рассматриваемые в начале контрфактической модели, будут взаимодействовать только с уже изменёнными событиями, причём изменёнными не по логике исследователя, а по законам развития самой моделируемой системы. 2) Невозможно было бы предсказать поведение системы при отсутствии одной из её частей, поскольку игнорируется ещё одно свойство всех систем – эмерджентность, заключающееся в том, что свойства системы не сводятся к совокупности свойств её частей и не выводятся из них, что целое обладает качественно новыми свойствами. Применительно к прошлому это означает прежде всего то, что историю творит непредсказуемость сочетающихся обстоятельств. Мы не можем описать реализацию возможной, но не состоявшейся истории, исходя только из данных о состоявшейся истории.

Раздел 2.4.4. «Проблема адекватности документально-художественного моделирования несостоявшейся истории» посвящён методологическим аспектам литературного контрфактического моделирования, при котором основу для своей фантазии в описании несостоявшегося прошлого историки находят в исторических источниках. Отражается развитие в англоязычной историографии традиции выпуска сборников работ по описанию «виртуальной», то есть несостоявшейся, но возможной истории: под редакцией Дж. К. Сквайра сборник «Если или Переписанная история» (1931), под редакцией Н. Фергюсона сборник «Виртуальная история: Альтернативы и Контрфакты» (1997), сборники 90-х годов под редакцией К. Макси. Рассматриваются работы и идеи отечественных авторов, писавших в этом жанре (С. Б. Переслегина, В. Л. Гончарова, С. А. Экшпуга и др.). При анализе адекватности документально-художественного моделирования используются идеи И. П. Ильина, утверждавшего, что постмодернистское олитературивание мира знания имеет своим следствием несомненную иррационализацию результатов исследовательского анализа.

Главный недостаток «олитературивания» изучения альтернативной истории в том, что системные свойства исторической ситуации в литературно-художественном моделировании выступают как проявления литературных законов. Анализируя допустимость того или иного альтернативного события, историк интересуется не столько его правдоподобием или включённостью в общий контекст причинно-следственных связей, сколько необходимостью этого события для развития сюжета.

Возможно ли вообще увидеть события прошлого глазами тех, кто в них участвовал? Безусловно, историк должен приближаться к этому идеалу понимания прошлого, но он не сможет отрешиться от знания исхода событий. Этот тезис доказывается с опорой на идеи С. Хьюза.

Контрфактическое моделирование несостоявшейся истории даёт дополнительные поводы и темы для аналитического подхода к материалам, которые в ином случае могли оставаться чисто описательными, а также для деконструкции неотрефлексированных историографических штампов, однако историк должен осознавать вторичную инструментально-прикладную функцию этого метода в исторической науке.

В диссертационном исследовании авторская позиция заключалась в том, что обращаться к несостоявшейся истории преждевременно и нерационально, если не в полной мере изучена состоявшаяся история. Изучение альтернативности исторического развития в пределах состоявшейся истории означает изучение исторических вероятностей.

В начале раздела 2.5. «Методологические аспекты использования понятия "вероятность" в изучении исторических альтернатив» теоретически обосновывается необходимость обращения к концепциям вероятностной логики. Доказывая, что одно событие было более возможно, чем другое, или, что определённое событие стало невозможным или неизбежным, историк неявно и иногда неосознанно использует процедуры некоей вероятностной логики. Эти процедуры можно сделать явными с целью усовершенствовать их, либо доказать их неправомочность применительно к изучению истории.

В Разделе 2.5.1. «Частотный подход к исторической вероятности» рассматривается частотная (статистическая) вероятность, связанная с повторяемостью в истории. Эта повторяемость может проявляться, в том, что

процессы, происходящие в одной стране, повторяют и подтверждают то, что происходит в другой стране, а также в том, что процессы, происходившие в прошлом, могут нести информацию об аналогичных процессах происходивших позднее. Историческая вероятность, вычисленная на основе повторяемости, будет представлять собой отношение количества исторических ситуаций, в которых интересующее нас событие реализовалось к количеству всех известных подобных исторических ситуаций. Однако, здесь встаёт иная проблема – проблема принципиальной неповторимости и индивидуальности исторических событий. Следует учитывать, что в социальном познании практически невозможно использовать строгую аналогию, которая требует точного совпадения сравниваемых признаков и независимости признаков от специфики сравниваемых объектов. Поэтому историку в поиске аналогичных исторических альтернатив приходится ограничиваться нестрогой аналогией.

В качестве историографической иллюстрации использования частотного понимания вероятности используется статья Е. А. Никифорова «К проблеме альтернативности в социальном развитии России». Частотное понимание исторической вероятности связано с дилеммой "история учит"- "история не учит". Пример исследования извлечения уроков истории в альтернативной исторической ситуации можно найти в книге Теодора Шанина "Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1922 гг."

Раздел 2.5.2. «Индуктивный подход к исторической вероятности» посвящён путям использования в исторических исследованиях индуктивная вероятности, показывающей, согласно идеям математиков Р. Карнапа, Дж. Кейнса, Г. Рейхенбаха и других, показывает степень доказательности и подтверждаемости гипотез. Приводится классификация индуктивных подходов к исторической вероятности: использование «охватывающих» или «нормативных» законов имеющих общеисторический характер и позволяющих дедуцировать с логической (а не статистической) необходимостью возмещение объясняемого явления (К. Гемпель, М. Скрайвен, П. Мюнц); обобщения, строго ограниченные пространственно-временными историческими рамками (Н. Решер, Г. Джойт и О. Хельмер); обобщения, ограничивающие объяснение на основе повторяемости только кругом действий и мотивам поведения конкретной исторической личности или конкретной социальной группой в рамках одного поколения (профессоры Райл и Страусон). Анализируются достоинства и недостатки этих подходов.

В частотном и индуктивном подходах к вероятности не предусматривается изменение величины вероятности одного и того же события во времени. Начиная с момента, когда историческое событие стало возможным, и до момента, когда событие произошло и стало действительным, вероятность его будет изменяться в зависимости от изменившихся исторических условий. Этот аспект исторической вероятности рассматривается в разделе 2.5.3. «Использование классического определения математической вероятности в изучении исторической вероятности»

В классической или элементарной вероятности неопределённость порождается экспериментом (в том числе мысленным), имеющим конечное

число несовместимых равновозможных исходов, событие – в осуществлении какого-либо из определённой группы исходов (называемых благоприятствующими событию). Величина вероятности вычисляется как отношения благоприятствующих исходов ко всем равновозможным при одинаковых условиях исходам. Предлагается принцип, согласно которому в историческом исследовании благоприятствующие исходы можно интерпретировать как факторы, способствующие какому-либо историческому событию. Равновозможные исходы допустимо интерпретировать как нейтральные события, которые могут и способствовать, и препятствовать реализации исторической возможности, в зависимости от взаимодействия с другими факторами. Историкю стоит брать в расчёт, по-видимому, только благоприятствующие и препятствующие факторы, так как все нейтральные факторы учитывать невозможно.

Различные факторы, влияющие на одно и то же историческое событие неравнозначны по своему влиянию. Это нарушение корректности измерения вероятности частично можно уменьшить, разделяя события с разным количеством участников (точнее с разнопорядковым количеством - несколько человек, несколько десятков человек, несколько сотен и т.д.), деятелей с разной степенью активности или влиятельности, мотивов с разной степенью важности и т.д.

При установлении того, благоприятствуют или препятствуют одни исторические события осуществлению других, а также при установлении силы влияния одного события на другое, неизбежно встаёт проблема ценностного измерения событий. Ценностное измерение исторических событий опосредуется полнотой информации о них, правдоподобностью и убедительностью объяснения влияния каких-либо условий на изучаемую историческую возможность. Степень уверенности субъекта в осуществлении события характеризует субъективная вероятность. Этому типу вероятности посвящён раздел 2.5.4. «Использование определения субъективной вероятности в изучении исторической вероятности». Предлагается исследовательская стратегия, заключающаяся в поиске лакун в описании прошлого, не позволяющих построить математическую модель процессов. Можно создать своеобразную карту плотности известной информации для пространственно-временных точек и причинно-следственных цепочек исторического прошлого. Направлять усилия историков следовало бы туда, где информационная плотность минимальна. Если классическая и частотная вероятность представляет собой определённое число, то об индуктивных и субъективных вероятностях говорят только на уровне «больше – меньше». Здесь имеется аналогия с числовыми и порядковыми шкалами в теории измерений

Обосновывается необходимость использования в исторических исследованиях концепцию нечётких (размытых) множеств и лингвистических переменных, предложенную математиком Лотфи Заде. В теории вероятностей событие должно чётко и полностью описываться на формальном языке, между тем как конкретно-историческое событие может быть описано только как

множество мелких событий нечёткое (по точности хронологических границ) и размытое (по однозначности принадлежности микрособытий к макрособытию).

Обращение к теории марковских процессов (А. А. Марков) в разделе 2.5.5. «Использование логики марковских и немарковских процессов в изучении исторической вероятности» показало, что историк может неосознанно руководствоваться немарковской логикой, если будет рассуждать о прямой причинной связи между событиями, далеко отстоящими друг по времени. На конкретно исторических примерах опровергнуто предположение о продуктивности использования в историческом исследовании логики немарковских процессов: зависимости вероятности события не только от начальных условий, но и от вероятностей предшествующих событий (Э. А. Азроянц, А. С. Харитонов, Л. А. Шелепин. Немарковские процессы как новая парадигма // Вопросы философии. 1999. №7). Память об историческом прошлом не может выступать аналогом немарковских цепей, поскольку представления о вероятностях осуществления уже произошедших событий непостоянны.

Общим вывод из изучения методологических аспектов использования понятия вероятности в исследованиях исторических альтернатив был следующим: цель построения формулы исторической вероятности для каждого конкретного исторического события (процесса или явления) состоит в том, чтобы построить такие структуры нарратива и найти такие основания для систематизации исторических фактов, которые приблизились бы к наиболее адекватному отражению динамики и взаимосвязей исторических событий.

Вероятностный подход к историческому прошлому является не только методом познания, но и методом организации изложения материала. Этот вывод был использован в разделе 2.5.6. «Опыт разработки эмпирического метода измерения исторической вероятности» Принципы предлагаемой методики заключаются во включении элементов математической логики в обыденную логику. Аналогом принципа «при прочих равных условиях» для нашей методики предлагается считать принцип: «вероятность устанавливается при данном объёме известной информации». Предложенная методика включает в себя несколько этапов: 1) Установление конкретно-исторического содержания и количества событий благоприятствовавших и событий препятствовавших осуществлению какой-либо исторической альтернативы. Соотношение благоприятствовавших и препятствовавших факторов сравнивается отдельно для разных уровней исторической масштабности, устанавливаемой по количеству участников событий. 2) Для каждого уровня исторической масштабности вычисляется вероятность осуществления исторической альтернативы, в случае решающего влияния на это осуществление событий именно данной масштабности. Вероятность вычисляется как отношения суммы благоприятствующих факторов к сложению сумм благоприятствующих и препятствующих факторов. 3) Установление величины правдоподобности информации о событиях для каждого уровня исторической масштабности. Степень правдоподобия вычисляется по аналогии с формулой классической

вероятности как доля абсолютно достоверных событий ко всем учитываемым событиям.

Вычисление вероятности в предложенной методике не столько цель, сколько средство построения систематизированной картины исторической ситуации. Цель такой систематизации исторических данных - создание нового образа исторического прошлого, более насыщенного представлениями о взаимодействиях событий и менее перегруженного литературно-публицистическими лексическими формами, не имеющими непосредственного отношения к реконструкции образа события. Назначение предлагаемой методики состоит также в стимулировании поиска адекватного объединения «микрособытий» в множество, которому даётся название одного «макрособытия», и наоборот – разделения одного события на комплекс более мелких событий.

Поскольку точность вычисленных значений вероятности в данном случае не несёт в себе никакой исторической информации, нам важен только числовой интервал. Интервалам можно присваивать лингвистические значения: <0,1 – почти невозможно; 0,2-0,4 – маловероятно; 0,4-0,6 – вполне вероятно; 0,8-0,9 – очень высоковероятно; >0,9 – почти неизбежно, либо <0,1 – совершенно неправдоподобно; 0,1-0,2 – очень правдоподобно и т.д. Идея разработка методики анализа вероятностной картины исторической ситуации является одним из основных результатов диссертационного исследования. Её апробирование и корректировка в практике конкретно-исторических исследований может стать целью последующей работы.

В **заключении** подводятся итоги и обобщаются результаты диссертационной работы. Характеризуется периоды в развитии идеи альтернативности истории в отечественной исторической науке 2-ой половины XX века. Оцениваются основные функциональные свойства альтернативности исторического развития как феномена исторического сознания. Формулируются основные методологические принципы изучения альтернативности как явления исторического прошлого.

III. АВТОРСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ.

1. Бочаров А. В. Проблема адекватности контрфактического моделирования истории (на примере Р. Фогеля) // Американские исследования в Сибири. Вып. 4. Материалы региональной научной конференции 10-11 декабря 1999 г. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 135-139.
2. Бочаров А. В. Использование категорий "возможность" и "вероятность" в историческом познании // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. статей / Отв. ред. Б. Г. Могильницкий - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 26. С. 24-45.
3. Бочаров А. В. Проблема альтернативности в истории: традиционные и нетрадиционные подходы // Историческое знание и интеллектуальная культура. Ч. 1. Материалы научной конференции. Москва, 4-6 декабря 2001. - Москва: ИВИ РАН, 2001. С. 28-33.